

Исторические предпосылки возникновения в экономической науке начала XIX в. “закона рынков Сэя”

© 2014 Остроумов Владимир Владиславович
кандидат экономических наук, доцент

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125993, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49
E-mail: Ostroumov.v@mail.ru

Рассматриваются многообразные теоретико-методологические аспекты появившегося в начале XIX в. так называемого “закона рынков Сэя”. Обосновывается вывод о том, что вплоть до возникновения в 30-е гг. XX столетия теорий государственного регулирования экономики сэевский “закон” оказывал существенное влияние на судьбы эволюции всей экономической науки. Особое внимание уделяется ретроспективному анализу альтернативных оценочных суждений выдающихся ученых-экономистов в прошлом и настоящем о месте и роли “закона Сэя” в теоретической экономике и практике хозяйственной жизни.

Ключевые слова: история экономических учений, “закон рынков Сэя”, либеральная экономическая политика, классическая политическая экономия, принципы *laissez faire*, постмануфактурный период, концепция “эффективного спроса”.

Жан Батист Сэй¹ родился в Лионе 5 января 1767 г. в семье купца-протестанта. Поскольку семейство принадлежало к протестантской церкви, в числе других преследуемых католической церковью гугенотов родители будущего именитого ученого-экономиста вынуждены были покинуть вместе с ним Францию и вплоть до отмены в 1785 г. Нантского эдикта проживать в Женеве. Занятость отца в этом швейцарском городе в сфере торговли до поры до времени позволяла Ж.Б. Сэю получать образование в престижных тамошних заведениях. Но коммерческие неудачи отца заставили прервать учебу (из-за нехватки средств, требующихся для оплаты обучения) и побудили Ж.Б. Сэя заняться самообразованием, особенно изучением политической экономии и, прежде всего, “Богатства народов” А. Смита.

Знакомство с учением А. Смита и углубленный анализ других сочинений в области политической экономии Ж.Б. Сэй ряд лет сочетает с работой в одной из парижских торговых контор. А в 1789 г. в 22-летнем возрасте личные заработки позволили ему вместе с братом совершить поездку в Англию. Благодаря поездке этому страстному поклоннику смитианского учения удалось не только продолжить там свое самообразование, но и увидеть то, насколько далеко вперед продвинулось данное государство в своем социально-экономическом развитии. В нем укрепилось также убеждение о необходимости всемерной популяризации принципов свободы конкуренции, свободы торговли и других принципов

экономического либерализма (*laissez faire*) как на благо родной ему Франции, так и всего человечества.

Наряду с впечатлениями от поездки в 1789 г. в Англию, где, в отличие от его страны, в хозяйстве и политической экономии на первый план выходили уже индустриальные, а не аграрные проблемы, жизненный путь Ж.Б. Сэя сложился в известной степени и под влиянием политических событий, произошедших во Франции в конце XVIII - начале XIX в. В частности, по возвращении из Англии в том же 1789 г. он с одобрением воспринял Французскую революцию и вступил в одно из страховых обществ, став секретарем администратора Клавьера - будущего министра финансов (1792), изучавшего (судя по тому, что он обнаружил у него экземпляр книги А. Смита) знаменитое “Богатство народов”.

Спустя три года, в 1792 г., Ж.Б. Сэй, примкнув к якобинцам, пошел волонтером в революционную армию. Причем к этому времени, будучи уже женатым, он потерял вследствие обесценения бумажных денег ранее накопленные сбережения. В 1794 г. он принял решение покинуть армию и попробовать себя в качестве редактора парижского журнала (имевшего, в числе прочего, политико-философскую направленность), с тем чтобы, энергично включившись в литературную деятельность, быть на острие социально-политической жизни своей страны. И, как показало время, размещение на страницах руководимого им журнала аналитических материалов экономического содержания в русле идеологии

laissez faire постепенно превратило его в одну из наиболее заметных общественных фигур.

Работа в страховой компании и редактирование в течение пяти лет журнала в сочетании с независимостью и неординарностью личных позиций, открытая критическая оценка экономической деятельности правительства содействовали его дальнейшей чиновничьей (государственной) деятельности. Поэтому тот факт, что уже хорошо известный в правительственных кругах Ж.Б. Сэй получил в 1799 г. назначение на одну из высоких должностей - члена Комитета (Трибунала) финансов при Консульском правительстве Наполеона - в его жизненной биографии был достаточно предсказуемым.

Находясь на государственной службе, он по-прежнему увлеченно интересуется наиболее острыми и дискуссионными положениями в развитии политической экономии, имевшими место в период конца XVIII и начала XIX столетия. И особо важным в те годы ему представлялось, в частности, то, что сближает и одновременно отличает научные (либерально ориентированные) позиции многочисленных приверженцев физиократического учения во Франции и экономического учения А. Смита в Англии.

Итак, практический опыт в высшей сфере государственной экономической службы, глубокие познания теоретических разработок в области экономической мысли и убежденное восприятие смитовской концепции экономического либерализма оказали несомненное содействие в написании Ж.Б. Сэем собственной концепции об основах теории развития общественного хозяйства на принципах *laissez faire* и саморегулируемости экономики. Именно эта концепция получила впоследствии в экономической науке название "закон рынков Сэя".

Вместе с тем необходимо отметить, что в контексте "закона рынков Сэя" одна из первых теоретических заслуг данного ученого на этом поприще имеет преимущественно национальное значение, учитывая то обстоятельство, что во Франции довольно широкую популярность приобрели возникшие еще в середине XVIII в. физиократические экономические теории, и они продолжали доминировать в экономической мысли страны, даже несмотря на появление в 1802 г. французского перевода "Богатства народов" А. Смита. И суть этой сэевской заслуги в том, что, когда в 1803 г. вышла в свет одна из ранних, но наиболее значимых работ этого смитовца под названием "Трактат политической экономии, или Простое изложение способа, которым образуются, распределяются и потребляются богатства", именно данное сочинение способ-

ствовало окончательному преодолению сложившихся стереотипов физиократических воззрений среди его соотечественников и обусловило такую огромную востребованность содержащихся в нем нововведений и невероятную популярность у широкой читательской аудитории, которую он едва ли мог ожидать.

В период второй половины XVIII и начала XIX столетия процесс разработки и изобретения машин, механизмов и прочих технических нововведений и их последующего внедрения явился убедительным свидетельством того, что успех реализации этого процесса невозможен без хозяйственной инициативы и либерализации экономики. Одновременно всемерный переход к машинному производству способствовал не только удешевлению товарной продукции, производимой на заводах, фабриках и в фермерских хозяйствах, но и снижению цены труда наемных рабочих. Это, в свою очередь, обусловило возникновение еще более дешевого труда - труда женщин и детей, работа которых "при машине не требовала прежнего мастерства" и поэтому вела "к снижению заработной платы"².

Данному периоду, характеризующемуся в историко-экономической литературе как период выработки новой либеральной экономической политики и начала промышленного переворота, были присущи острое и бескомпромиссное противоборство между приверженцами принципов *laissez faire* и сторонниками сохранения, в духе идеологов меркантилизма, протекционистских мер государства в экономике. Особенно ярко и многогранно это противоборство проявилось в первой половине XIX в. в Англии и Франции. Как известно, в первой из них промышленный переворот вступил в заключительную стадию уже в первой трети XIX столетия, а во второй - в середине того же столетия³.

Указанные страны (экономика которых ранее всех других стран мира прошла исторический путь перехода на рыночные принципы хозяйствования и весь цикл процесса технических и технологических новаций, получивших название "промышленный переворот") положили начало альтернативным направлениям и тенденциям в развитии экономической науки на всем протяжении постмануфактурного периода. Дело в том, что та новая социально-экономическая среда, которая сложилась в постмануфактурном периоде в Англии и Франции - странах, явившихся пионерами процесса промышленного переворота, - отразилась, с одной стороны, в том, что по уровню экономического потенциала эти государства вышли, соответственно, на первое и второе места в мире. Но, с другой стороны, на-

учная экономическая мысль “за” и “против” политики экономического либерализма (как и “за” и “против” протекционистской экономической политики) впервые достаточно остро и многообразно проявила себя в данном периоде, особенно начиная с первой половины XIX в., - в этих же странах.

Иными словами, периоду зарождения классической политической экономии, ставшей альтернативой меркантилизму в мануфактурном периоде, исторически были характерны, прежде всего, англо-французское лидерство в области социально-экономического развития и теоретико-методологических нововведений предшественников “классической школы” преимущественно из числа английских и французских ученых-экономистов. Но и в период промышленного переворота новые тенденции, связанные с фабрично-заводским производством и появлением новых - альтернативных уже самой классической политической экономии - направлений, вновь стали достоянием общественности в связи с научными изысканиями новой плеяды исследователей этих же стран.

Сказанное подтверждается, в частности, тем, что период промышленного переворота стал благодатной почвой для переосмысления многих методологических и теоретических положений, присущих раннему (мануфактурному) периоду в развитии классической политической экономии, ассоциировавшемуся главным образом с именем и творчеством автора “Богатства народов” (1776) Адама Смита. Причем задачу - переосмыслить и популяризировать основополагающие постулаты смитовского экономического учения - поставили перед собой в качестве первостепенной практически все его убежденные последователи, продолжившие либеральные традиции своего учителя и кумира. Это, например, Д. Рикардо, Т. Мальтус, Н. Сениор, Дж.С. Милль и другие экономисты Англии, а также Ж.Б. Сэй, Ф. Бастия и другие видные экономисты Франции.

Одновременно и противники смитовских доктрин “экономического человека” и “невидимой руки”, а также “закона рынков Сэя” выступили во многом со справедливой и обоснованной критикой принципов *laissez faire* - либеральной идеологии в экономической науке и практике хозяйствования, положив начало таким нелиберальным направлениям экономической мысли, как экономический романтизм и утопический социализм. Их родоначальниками явились, как известно, французские исследователи С. Сисмонди и П. Прудон (из числа экономистов-романтиков), Р. Оуэн, Т. Годскин, У. Томпсон, Дж. Брей (из числа английских) и К. Сен-Си-

мон, Ш. Фурье и др. (из числа французских социалистов-утопистов).

Обращает на себя внимание то, что в теоретико-методологическом плане творчество “классиков” и их противников на всем протяжении постмануфактурного периода сопровождали острые бескомпромиссные споры и дискуссии. Суть их, как полагают П. Самуэльсон и В. Нордхаус, в основном сводилась к тому, “движется ли экономика к долгосрочному равновесию, при котором достигается полная занятость, спонтанно, или необходимо государственное вмешательство”⁴. При этом первые во главу угла ставили положение об обусловленности экономического развития исключительно “объективными законами” (включая “закон рынков Сэя”), которым надлежит следовать в хозяйственной жизни, изучая такую науку, как политическая экономия. Вторые же, отвергая подобный рода постулаты, считали настоятельно необходимым трактовать основания политической экономии как моральной и нравственной науки. Более того, с их точки зрения, именно политическая экономия выявляет целесообразность вмешательства в хозяйственную жизнь “извне”, поскольку экономикой движут наряду с “экономическими законами” еще и неэкономические факторы и предпосылки.

Несмотря на априорный характер сентенций “классиков” о саморегулируемости и бескризисном на основании “закона рынков Сэя” развитии экономики на принципах *laissez faire*, их оппоненты в спорах и дискуссиях выдвинули немало убедительных доводов о неправомерности подобного рода упрощенных суждений. Так, уже в 1819 г. С. Сисмонди в своих “Новых началах” в противовес А. Смиту и Д. Рикардо обосновывает положение о том, что совокупный спрос в условиях экономики свободной конкуренции может оказаться ниже уровня совокупного предложения. И главная причина тому, по Сисмонди, необратимость процесса постепенного сужения внутреннего рынка, на котором доминирует фабрично-заводское производство в промышленной сфере и фермерское производство в сельском хозяйстве. Тем самым этот родоначальник экономического романтизма более чем на 100 лет предвосхитил знаменитую концепцию “эффективного спроса” Дж.М. Кейнса, показав, в частности, что господство либеральных принципов хозяйствования приводит “повсюду к превышению спроса производством”, вследствие чего совокупное производство, “быстро опережая потребление, ... порождает жестокие бедствия”⁵.

В таких сочинениях идейного последователя экономического романтизма П. Прудона, как

“Что такое собственность” (1840), “Система экономических противоречий, или Философия нищеты” (1846) и др., также вплоть до наших дней не утратил свою научную ценность ряд положений. Это, к примеру, положения о значимой роли в проведении реформаторских преобразований благодаря непосредственной инициативе так называемого человеческого фактора и определяющему вкладу в экономику тех слоев трудящихся, которые ныне принято относить к “среднему классу” и которые обеспечивают своей повседневной деятельностью в малых формах бизнеса (предпринимательства) социальную направленность хозяйственной жизни.

Кроме того, как очевидно из антикризисных программ ряда стран мира (в том числе США, Великобритании, Японии и др.), и в 30-е гг. XX в., и в период мирового финансово-экономического кризиса, начавшегося в 2008 г., в качестве важнейшей меры стабилизации и оздоровления национальной экономики активно используются и некоторые прудоновские положения. Можно, например, указать на прудоновский тезис о введении (установлении) дарового, т.е. беспроцентного, кредита, имея в виду то, что с самого начала 2009 г. сообразно этому положению на пике кризисного спада ключевых социально-экономических показателей межбанковский процент кредитования коммерческих банков в США был установлен на уровне от 0 до 0,25 %.

Наконец, и социалисты-утописты первой половины XIX в. идеализировали, в свою очередь, такую модель социально-экономического устройства общества, в котором были бы уничтожены пережитки индивидуализма и абсолютизации частной собственности и возобладали принципы социальной справедливости. Их лидеры ставили во главу угла принцип коллективизма (включая объединение трудящихся в коллективные организации) посредством проведения реформ “сверху” (по версии К. Сен-Симона) либо “снизу” (по версии Р. Оуэна и Ш. Фурье).

Как видим, характеризуя политическую экономию не как саморегулирующийся (благодаря экономическим законам) механизм, а как моральную и нравственную науку, науку, предназначенную выработать основы социальной направленности экономического развития, приверженцы учения Сисмонди - Прудона и Оуэна - Сен-Симона - Фурье существенно расширили горизонты и, так сказать, палитру политико-экономических исследований.

Между тем в постмануфактурном периоде и вплоть до 30-х гг. XX столетия доминировали в экономической науке все же основополагающие либеральные постулаты классической политичес-

кой экономии. В их числе положения об определяющей роли в хозяйственной жизни института частной собственности, приоритете экономических факторов над неэкономическими факторами и, конечно же, вера во всемогущие “законы” экономики и, прежде всего, в “закон рынков Сэя”, а отсюда и в случайный характер экономических кризисов, и другие оставались достаточно убедительными. Причем подчеркнем, что, все это имело место, несмотря на вескую критику нелиберальными оппонентами творчества “классиков”, и в результате принципы экономического либерализма по-прежнему воспринимались научной общественностью как основополагающие элементы мейнстрима экономической науки той поры. Ключевую роль в этом, без преувеличения, сыграл упоминавшийся выше видный французский смитианец Жан Батист Сэй, квинтэссенцией творчества которого стала концепция, получившая в экономической литературе название “закон рынков Сэя”, или “закон Сэя”. Причем аргументация Ж.Б. Сэем ее теоретико-методологической сущности столь неординарна, что и критика, и неприятие этой концепции вот уже более чем двух столетий остаются в центре внимания исследователей многих сфер экономических научных изысканий.

Таким образом, можно заключить, что освещение многообразных аспектов места и роли “закона Сэя” имеет большое значение как для последующих историко-экономических изысканий в области научного наследия Ж.Б. Сэя, так и для совершенствования учебного процесса в вузах и, особенно, при изучении такой учебной дисциплины, как “История экономических учений”.

¹ Материалы о биографии Ж.Б. Сэя см. также: Творческий путь Жана Батиста Сэя // Сэй Ж.Б., Бастиа Ф. Трактат по политической экономии / Ж.Б. Сэй; Экономические софизмы. Экономические гармонии / Ф. Бастиа / сост., вступ. статья, коммент. М.К. Бункина, А.М. Семенов. М., 2000. С. 11-14; Сэй Жан Батист (Say Jean Baptiste) // Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса / пер. с англ. под ред. А.А. Фафонова. СПб., 2005. С. 287-289; Ядгаров Я.С. История экономических учений. М., 2009. С. 81-82, 141-143.

² Конотопов М.В., Сметанин С.И. История экономики. М., 1999. С. 125.

³ История экономики / под общ. ред. проф. О.Д. Кузнецовой, проф. И.Н. Шапкина. М., 2002. С. 144, 164.

⁴ Самуэльсон П.А., Нордхаус В.Д. Экономика : пер. с англ. М., 1997. С. 638-639.

⁵ Сисмонди Ж.С. Новые начала политической экономии в его отношении к народонаселению. В 2 т. М., 1937. Т. 1. С. 314, 317.